

Наталья Резник

БРУКЛИНСКАЯ БОЛЬНИЦА

Я ненадолго пришла в себя, когда сестра, ставившая мне капельницу, сказала:

— Вам повезло. Вы бы уже могли быть на том свете.

— И это вы называете везением! — привычно пошутила я с медсестрой и снова потеряла сознание.

Когда я пришла в себя во второй раз, медсестры уже не было, вместо нее рядом со мной стоял крупный медбрат, который с интересом меня разглядывал.

— Отсоедините меня от капельницы, — сказала я медбрата. — Я уйду.

— Русская? — спросил медбрат.

— Русская.

— Ну, иди.

Далеко я не ушла. Выход мне перегородил медперсонал больницы во главе с врачом.

— Если вы попытаетесь выйти в эту дверь, — доброжелательно сказал врач, — я позвоню в полицию. У вас гипогликемия, и вы можете умереть в любую минуту.

Тут я разозлилась:

— Может, я хочу умереть от гипогликемии на свободе, а не в вашей паршивой больнице!

— Продолжайте, продолжайте, — улыбаясь, сказал врач, — мы вам сейчас еще и психиатра вызовем.

— У нее суицидальные наклонности, — вставила медсестра. — Она и мне говорила, что хочет на тот свет.

— Как вам не стыдно? — сказала я медсестре. — Я с вами шутила. У вас что, нет чувства юмора?

— Русская? — спросила медсестра.

— Какая разница!

— У русских странное чувство юмора. Как у Достоевского. Особенно, когда напьются.

— Возвращайтесь под капельницу, — велел врач. — Вам там, кстати, будет о чем подумать.

Например, где вы и как вы сюда попали.

На самом деле я смутно кое-что помнила и даже догадывалась, что нахожусь в бруклинской больнице, что тут же и подтвердилось; поскольку больница была бруклинская, когда я

Н а т а л ь я Р е з н и к

Родилась в Ленинграде,
с 1994 года — в Колорадо,
США, публиковалась
в журналах «Арион», «Нева»,
«Интерпоэзия», «Новая
жизнь» и др., автор
двух стихотворных сборников
(Центр книги Рудомино,
Москва), член редколлегии
журнала «Интерпоэзия».

вернулась к своей койке, в ней уже кто-то лежал. Меня переложили в коридор. В коридоре было весело: между койками бегала совершенно пьяная, бомжеватого вида тетка в больничной распашонке и на чистом английском языке кричала: «А вот не поймаете!» Надо сказать, что ее никто и не пытался ловить.

— Интересно тут у вас, — сказала я вернувшемуся с капельницей медбрату.

— Не то слово! — ответил он. — В театр ходить не надо. Я свою работу ни на что не променяю!

— Классная тетка! — добавил он, показав глазами на куролесившую пьяницу. — Да ты не обижайся, ты у нас тоже сегодня интересный случай: доставлена без сознания, а оказалась скандалистка, да еще с алкоголизмом и суицидальными наклонностями. Мы даже поспорили, сколько тебе лет, пока в правах не посмотрели. Хорошо выглядишь для своего состояния!

Медбрат ушел. Сзади послышалось невнятное бормотание. Бормотала на непонятном языке бабка на койке позади меня. Обращалась она явно ко мне, поэтому я повернулась и начала кивать. Кивать было неудобно, мешала капельница, болела шея. Бабка все бормотала и бормотала. Не то на идиш, не то по-армянски, не то по-английски с сильным акцентом. В какой-то момент мне показалось, что я стала ее понимать. «Ты взрослый человек, — говорила она, — приехала сюда читать стихи, сейчас тебя выкликают на поэтическом вечере на букву “Р”, а ты лежишь в коридоре бруклинской больницы рядом с бомжами и безумными и даже не размышляешь о смысле жизни. Поэт ты, в конце концов, или нет?.. Русский ты поэт или нет!.. Если не можешь жить по-человечески, то по крайней мере конвертируй это в стихи!..»

Тут бабка сильно дернула за провод капельницы и спросила:

— Russian?

Я сказала:

— Russian.

Бабка сказала:

— Vodka. Moscow. You look like shit.

После чего ее увели в туалет, а я подумала, что жизнь творит с нами чудеса, и, наверное, хорошо, что меня спасли в бруклинской больнице, потому что мало ли что еще в жизни может быть, и не хотелось бы пропустить самое интересное. И черт с ними, со стихами, в конце концов, какой из меня поэт! И американцы правы: жизнь прекрасна, а кто этого не понимает, того к психиатру.

Последнее, что я видела, перед тем как меня отключило успокоительное, — это протрезвевшая тетка, одетая в рваные джинсы и футболку, которая на выходе сказала медбрату:

— Бросаю пить!

— До скорого, — ответил он. — Думаю, на следующей неделе тебя сюда доставят, как обычно, если раньше не сдохнешь.

И они оба захохотали. Собственно говоря, у американцев точно такое же чувство юмора.

МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО Я СЧАСТЛИВА...

Мне снилось, что я счастлива.

Еще мне снилось, что папа сидит на диване и читает книжку, а я ему говорю:

— Ты же умер.

А он говорит:

— Это тебе мама сказала? Слушай ее больше!

И мы с ним смеемся.

Мне снилось, что приехали в гости мои старшие братья. Алеша привез бутылку водки. Мы пьем водку, и Алеша говорит:

— Хорошо, что хоть после смерти встретились.

А я отвечаю:

— Тихо, папе не говори, ведь он только про Андрея знает, он же не знает, что ты тоже умер.

И Алеша говорит: «Не скажу» и подмигивает мне, и мы хохочем все втроем.

Мне снилось, что я иду в школу. На мне белый передник, белые гольфы, в косе белый бант. Мне страшно идти, потому что я не уверена, что сегодня нужно приходиться в парадной форме, и я замедляю шаг. Но я вижу на другой стороне улицы Аньку, тоже в белом переднике с двумя белыми бантами, и я ей машу рукой, и она мне машет с той стороны улицы и бежит ко мне. И мне становится легко и хорошо, потому что мы ничего не перепутали и все остальные тоже придут в белых передниках. И Анька смеется и говорит мне:

— Дура ты, Полякова. Тебе уже за сорок, а ты все бант не научишься завязывать.

И мы с ней счастливы.

Мне снилось, что я в институте сдаю экзамен по технологии конструкционных материалов. Профессор одобрительно кивает головой, пока я говорю: «Абразивная поверхность измеряется поперечным давлением концевой фрезы под углом двести сорок пять градусов». И пока я говорю, я сама удивляюсь, когда я успела так хорошо подготовиться к этому предмету, которого не понимала никогда. Но я чувствую, что отвечаю на твердую «пятерку», и я счастлива от мысли, что передо мной открывается блестящее инженерное будущее.

Мне снилось, что у меня родился ребенок. Он не похож на моих детей, он темноглазый и курдючный, как я в детстве. И тут я понимаю, что это я и есть, что я опять родилась.

И все хорошо, и все начинается сначала.

И мне снится, что я счастлива.

БОРЯ

Он позвонил мне, потому что мой телефон им дали знакомые знакомых других знакомых, когда его жена получила работу в Колорадо.

— Это Борис, — сказал он. Я вам звоню, потому что мы здесь, кроме вас, никого не знаем, то есть мы и вас не знаем, но ваш телефон знаем. То есть мы и другие телефоны знаем, но жена сказала позвонить вам, потому что нужно осваиваться как-то.

Я сказала:

— Вы знаете, я на работе, не могу говорить. Оставьте мне свой телефон, я перезвоню.

— Я вам, конечно, оставлю свой телефон. То есть я его, конечно, оставил бы, если бы я его знал.

— Вы что, не знаете своего номера телефона?

— Нет, мы знаем, конечно, то есть жена знает, а я пока не знаю. То есть я пока не выучил. Я, конечно, мог бы жене позвонить и узнать, но жена сейчас тоже на работе, а я не знаю ее номера на работе, то есть я сегодня вечером узнаю и тогда смогу ей завтра позвонить и узнать наш номер телефона.

Через несколько дней они пришли к нам в гости.

— Барух, — нерешительно представился он с порога.

– Как, вы же мне сказали, что вас зовут Борис!

– Да, Борис, то есть Барух, то есть я был Борис, но взял себе еврейское имя Барух.

– Как же нам вас называть?

– Вы называйте меня, как хотите. Я же понимаю, что я уже представился Борисом, то есть вам удобно Борисом, поэтому называйте Борисом, но мое настоящее имя теперь Барух, то есть я считаю, что я все-таки Барух.

– Боря, хватит болтать, – сказала его жена.

Они стали у нас бывать. И мы стали у них бывать. Но нечасто. Договориться о чем-нибудь с Борисом было сложно, он всегда должен был сначала посоветоваться с женой, и он никогда ни в чем не был уверен.

– Вы понимаете, – говорил он, – я сижу дома с дочкой, но надо, конечно, работать, то есть не надо работать, а я бы хотел найти работу, но мне очень трудно найти работу, то есть я был недавно на собеседовании, а они попросили меня прийти еще раз, то есть, наверно, я им понравился, но это не совсем моя специализация, и я подумал, что если я опять туда пойду, они могут предложить мне работу, а я могу не справиться...

– А кто будет дочку из школы забирать? – спрашивала Борина жена.

– Ну да, – говорил Боря, – конечно, и дочка должна подрасти, то есть все-таки ей сейчас шестнадцать, но еще года два будет трудно, то есть не трудно, но сложно совместить работу и детей, то есть я работу все равно ищу, то есть буду искать, если будет такая возможность.

Потом мы придумали Боре работу: он стал заниматься шахматами с русскими детьми. К сожалению, через несколько месяцев оказалось, что прогресса никакого нет.

– Вы знаете, – объяснял Боря родителям, – это же дети. Они не хотят играть, то есть они хотят играть, но не в шахматы, а в шахматы играть – это серьезное дело, то есть надо сесть за стол и сидеть, и я им говорю сесть за стол, и они садятся, то есть один садится, а другой не садится, а дети у вас очень способные, то есть некоторые более способные, а некоторые менее способные, то есть все способные, но не у всех способности именно к игре в шахматы.

Шахматная секция развалилась.

Потом мы перестали общаться. Прошло еще года два.

Однажды мой мобильный зазвонил. Когда я ответила, на том конце провода стояла тишина.

– Борис? – спросила я.

– Да, – сказал он. – Вы понимаете, мы так давно не разговаривали, я не знал, как начать, то есть я думал, что сказать, а тут вы меня узнали, то есть не узнали, а догадались. А я звоню, потому что жена сказала вам позвонить, то есть я и сам думал, что надо позвонить, потому что мы уезжаем, то есть мы переезжаем, потому что жена нашла работу в другом штате, так что снова будем осваиваться на новом месте.

– А куда вы переезжаете?

– Вы знаете, я точно не знаю, то есть я не знаю названия города, то есть я забыл спросить, но я спрошу, то есть даже если не спрошу, все равно ведь узнаю.

– Ну, удачи вам!

– Да, спасибо, это, конечно, так удачно, то есть не очень удачно, потому что опять надо переезжать, но на новом месте все может сложиться по-другому, может быть, я найду работу, то есть я начну искать, то есть сначала надо, конечно, освоиться.

Мы попрощались, я передала привет его семье. И он мне сказал в ответ:

– И вашей семье тоже привет, и вы знаете, еще передайте большой привет вашему мужу, потому что я с ним так мало разговаривал, всё с вами да с вами, а с ним мало, то есть не мало, а совсем почти не разговаривал, так вы передайте уж ему от меня привет. Так сказать, мужской привет – от мужчины мужчине.

И они уехали. И я даже не знаю – куда.

ДЕТПРИЕМНИК

В колорадском детском приемнике нас было трое: семнадцатилетний новоиспеченный преступник из Киева, следователь и я в качестве приглашенного переводчика. Парень попался глупо. Ходил по ресторанам и просил срочно позвонить. Получив телефон, звонил своей подружке в Киев и часами выяснял с ней отношения по три доллара в минуту. Ошибка его заключалась в том, что ресторанов он не запоминал, зато его там запоминали. Попался, когда пошел по второму кругу. Сидя напротив меня, он плакал и размазывал слезы по лицу. Следователь явно чувствовал себя неловко.

— Вы ему скажите, — говорил он мне, — что у нас тут не Сибирь. У нас хорошо. У нас настоящий теннис есть. Бильярд. Телевизор.

Я переводила, но мальчик продолжал плакать.

— Да ему и переночевать-то надо одну ночь всего тут, — говорил следователь. — Завтра его мама заберет.

Я переводила. Мальчик ревел.

Мне очень хотелось сказать следователю, что мальчику страшно в этом чужом месте, что телевизор его не интересует, потому что он не понимает по-английски, что он, возможно, плачет по киевской подруге, денег на разговоры с которой теперь не будет. Но я была всего лишь переводчиком, а переводить с русского на английский было нечего. Парень только плакал и ничего не говорил.

Следователь сказал:

— Вы уж извините, что вам пришлось приехать. Почему-то у нас в штате русского переводчика нет. Испанский есть, китайский есть, даже французский есть, а русского нет. Первый русский подросток на моей памяти.

С тех пор прошло больше десяти лет. Наверно, и парень тот вырос и стал добропорядочным американцем, и русского переводчика уже наняли. Русские продолжают приезжать. А я так и живу с чувством, что рядом следователь, которого я не понимаю, телевизор, который мне не нужен, и мама меня вряд ли утром отсюда заберет. ■■■